

ГЛАВА 1

О ДЕВОЧКЕ ИЗ ТРУЩОБЫ И О МУЖЧИНЕ,
КОТОРЫЙ ВЫВЕЛ ЕЕ ОТТУДА,
КОГДА УМЕР

В каком-то смысле им выпал счастливый жребий — золотари крупнейшей из трущоб ЮАР имели и работу, и крышу над головой.

Зато статистического будущего не имели. Большинство из них ожидал скорый уход из жизни — от туберкулеза, пневмонии, кишечных инфекций, таблеток, алкоголя или различных комбинаций вышеназванного. Редким представителям этого сословия удавалось дожить до пятидесяти. Как удалось, например, заведующему одной из ассенизационных контор в Соуэто. Да и тот был уже сильно потрепанным и не особо здоровым индивидом: слишком давно он начал запивать слишком много обезболивающих таблеток слишком большим количеством пива в слишком ранние часы. Вследствие чего однажды позволил себе ответить сквозь зубы инспектору, присланному из Йоханнесбургского муниципального департамента санитарии. *Кафр* возмнил о себе! Об инциденте было немедленно доложено по инстанции вплоть до начальника департамента, и на другой день на утреннем кофе-брейке тот сообщил сотрудникам, что *неграмотного* в секторе “Б” пора менять.

На очень приятном, кстати говоря, кофе-брейке: в то утро к кофе подали торт — в честь прибытия нового секретаря муниципальной службы. Для двадцатитрехлетнего Пита дю Тойта эта должность стала первой после окончания университета.

Ему-то и предстояло разруливать ситуацию в Соуэто — так уж повелось в муниципалитете Йоханнесбурга. Каждого новенького отправляли к *неграмотным* — для профессиональной закалки. Все ли ассенизаторы Соуэто были неграмотны, достоверно никто не знал, однако называли их так. В школу, по крайней мере, никто из них не ходил. Жили они в хижинах. И с великим трудом понимали, что им говорят.

Пит дю Тойт переживал. Это был его первый визит к дикарям. На всякий случай отец — торговец предметами искусства — дал ему с собой телохранителя.

Войдя в ассенизационную контору, двадцатитрехлетний молодой человек не смог сдержать неудовольствия по поводу запаха. По другую сторону стола сидел заведующий, которому вскоре предстояло перестать заведовать. А стоящая рядом с ним девчонка, к изумлению нового секретаря, открыла рот и заметила, что говну вообще-то присуще такое неприятное свойство — вонять.

Пит дю Тойт даже подумал, уж не издевается ли она, но нет, это было невозможно.

Так что реплику он пропустил мимо ушей. И лишь уведомил заведующего, что его, заведующего, дальнейшее пребывание на этом посту исключено, поскольку так решили наверху, зато он, заведующий, может рассчитывать на три месячных оклада, если до конца недели сумеет подобрать столько же кандидатов на освободившееся место.

— А вы разрешите мне снова пойти простым черпальщиком, чтобы хоть немного зарабатывать? — спросил уволенный заведующий.

— Нет, — сказал Пит дю Тойт. — Не разрешу.

Секретарь дю Тойт и его телохранитель вернулись спустя неделю.

Уволенный заведующий сидел за своим столом — надо полагать, в последний раз. Рядом стояла та же самая девчонка. — А где три кандидата? — спросил секретарь.

Уволенный извинился, что двое присутствовать не смогут. Одному накануне вечером перерезали горло в уличной драке. Куда подевался другой, бывший заведующий не знал. Но допускал очередной рецидив.

Чего именно, Питу дю Тойту знать совершенно не хотелось. Зато страшно захотелось уехать, причем как можно скорее.

— А третий кто? — спросил он сердито.

— А вот же, девчонка, что со мной. Она мне уже пару лет помогает. Большая умница, надо вам сказать.

— Какого черта, не могу же я поставить девчонку двенадцати лет заведовать ассенизацией?

— Четырнадцати, — поправила девчонка. — Из них девять я работаю по специальности.

В кабинет сочилось зловоние. Пит дю Тойт испугался, как бы оно не въелось в его костюм.

— Наркоманка? — поинтересовался он.

— Нет, — ответила девчонка.

— Беременна?

— Нет, — ответила девчонка.

На несколько секунд секретарь умолк. Лишний раз навдываться сюда ему совершенно не хотелось.

— Имя? — спросил он.

— Номбеко, — сказала девчонка.

— Номбеко, а дальше?

— Вроде бы Майеки.

Боже, *эти* сами не знают, как их зовут!

— Тогда, думаю, ты годишься на это место, если сможешь не бухать, — сказал секретарь.

— Смогу, — сказала девчонка.

— Ладно. — И секретарь повернулся к уволенному. — Мы договорились — три месячных оклада за трех кандидатов. По-

лучается, один кандидат — один оклад. Минус оклад за то, что не нашел никого старше двенадцати лет.

— Четырнадцать, — сказала девчонка.

Пит дю Тойт удалился не попрощавшись. Вместе с телохранителем, почтительно державшимся на два шага позади.

Девочка, вдруг ставшая начальницей своего начальника, поблагодарила его за помощь и сообщила, что теперь он назначен ее правой рукой.

— А как же Пит дю Тойт? — спросил бывший начальник.

— А мы тебе имя поменяем! Секретарь ни за что не отличит одного *негра* от другого.

Так сказала девочка четырнадцать лет, выглядевшая на целых двенадцать.

Новоиспеченной заведующей ассенизацией сектора “Б” Соуэто ходить в школу так и не привелось. Не только потому, что у ее матери были другие приоритеты, но и в силу того, что при всем богатстве выбора девочка умудрилась родиться в ЮАР, да еще в начале шестидесятых, когда детей вроде Номбеко политическое руководство страны не видело в упор. Тогдашний премьер прославился риторическим вопросом — зачем черным школы, если они способны только таскать дрова да воду.

В данном случае он ошибался: Номбеко таскала не дрова и не воду, а бадьи с экскрементами. Тем не менее оснований полагать, что, повзрослев, девочка будет запросто общаться с королями и президентами, не было никаких. И что она нагонит страху на целые страны. И даже повлияет на судьбы мира.

Не будь она такой, какой была.

Но она была именно такой.

В частности, работающей. Уже в пять лет она таскала бадьи размером с себя. И получала за их опорожнение почти столько, сколько требовалось маме, чтобы каждый день по-

сылать дочку за бутылкой растворителя. Мама брала бутылку со словами “спасибо, детка”, выкручивала пробку и принималась глушить нескончаемую боль от того, что ни у нее, ни у ее ребенка нет будущего. Что до отца Номбеко, то он исчез с горизонта дочери спустя двадцать минут после ее зачатия.

Номбеко росла, и за день ей удавалось опорожнять все больше бадей, так что денег хватало уже не только на растворитель. Поэтому мама стала добавлять к нему таблетки и алкоголь. Но девочка сообразила, что долго так продолжаться не может, и предложила маме выбирать: или она завязывает с этим делом, или ей кранты.

Мать кивнула: она поняла.

Народу на похороны пришло немало. В ту пору большинство населения Соуэто занималось в основном двумя вещами: медленно убивало себя и ходило прощаться с теми, кому это уже удалось. Мамы не стало, когда Номбеко было десять лет, а папы, как сказано выше, она и вовсе сроду не видала. Девочка прикинула, не продолжить ли дело матери в смысле создания постоянной химической защиты от реальности. Но, получив первую после маминой смерти зарплату, решила все-таки купить себе еды. Утолив голод, она огляделась и сказала себе: “Что я тут забыла?”

Но тотчас поняла, что выбора у нее особо нет. На южно-африканском рынке труда десятилетние неграмотные девчонки были востребованы не то чтобы в первую очередь. И не то чтобы во вторую. А в этой части Соуэто рынок труда отсутствовал и вовсе, зато в избытке присутствовали безработные.

Однако опорожнять кишечник свойственно даже беднейшим представителям рода человеческого, так что способ заработать у Номбеко оставался. А поскольку маму уже похоронили, то заработок она могла оставлять себе.

Чтобы скоротать время за тасканием бадей, Номбеко еще с пяти лет приноровилась их считать:

— Одна, две, три, четыре, пять...

Став старше, она усложнила себе задачу, чтобы было интереснее:

— Пятнадцать бадей умножить на три ходки, умножить на семь человек плюс одного, который ничего не делает, потому что пьян... это будет... Триста пятнадцать.

Мама Номбеко не особенно интересовалась окружающим миром, за исключением бутылки с растворителем, однако все-таки заметила, что дочь умеет как складывать, так и вычитать. И в последние свои годы призывала ее на помощь всякий раз, когда предстояло разделить между соседями очередную поступившую партию таблеток разного цвета и эффективности. Все же бутылка растворителя — это всего лишь бутылка растворителя. А чтобы разделить таблетки по пятьдесят, сто, двести пятьдесят и пятьсот миллиграммов в соответствии с пожеланиями и финансовыми возможностями заказчика, требовалось владение всеми арифметическими действиями. И десятилетняя Номбеко ими владела. Да еще как.

Однажды, например, она оказалась рядом со своим непосредственным начальником в тот момент, когда он пытался составить ежемесячный отчет по количеству и тоннажу.

— Девяносто пять умножить на девяносто два, — бормотал начальник. — Где арифмометр?

— Восемь тысяч семьсот сорок, — сказала Номбеко.

— Детка, помоги лучше арифмометр найти.

— Восемь тысяч семьсот сорок, — повторила Номбеко.

— Что ты такое говоришь?

— Девяносто пять умножить на девяносто два будет восемь тысяч семь...

— Откуда ты знаешь?

— Ну как? Девяносто пять — это без пяти сто, девяносто два — сто без восьми, сложим, вычтем из ста, будет восемьдесят семь. А пять на восемь будет сорок. Восемьдесят семь сорок. Восемь тысяч семьсот сорок.

— А как ты догадалась? — спросил изумленный начальник.

— Не знаю, — честно ответила Номбеко. — Может, вернемся к работе?

В тот день ее повысили в должности до помощницы заведующего.

Но неграмотная девочка, хоть и умела считать, но все больше досадовала, что не в состоянии прочесть распоряжений йоханнесбургского руководства, которые ложились на стол ее начальника. Тот и сам не особенно дружил с буквами. Он с трудом продирался сквозь каждый текст, параллельно листая африкаанс-английский словарь, чтобы перевести совсем уж неудобочитаемые слова на худо-бедно понятный язык.

— Что им надо на этот раз? — спрашивала Номбеко.

— Вроде бы требуют, чтобы мы тщательнее заполняли мешки, — отвечал заведующий. — Так мне кажется. Или хотят закрыть какую-то очистную станцию. Не поймешь, — вздыхал заведующий.

Заместительница ничем не могла ему помочь и поэтому тоже только вздыхала.

На счастье, как-то в душевой при раздевалке ассенизаторов к тринадцатилетней Номбеко пристал мерзкий старикашка. Впрочем, он тотчас передумал, не успев ни до чего добраться, поскольку девочка воткнула ему в ляжку ножницы.

На другой день она отыскала старикашку по ту сторону ряда отхожих будок в секторе “Б”. Тот сидел в складном кресле перед своей зеленой хижинкой. Ляжка у него была забинтована, а на коленях лежали... книги?

— Ну, чего тебе? — спросил старикашка.

— Дяденька, я, кажется, забыла свои ножницы у тебя в ляжке и вот пришла их забрать.

— Я их выбросил, — сказал старикашка.

— В таком случае ты задолжал мне ножницы, — сказала девочка. — А где ты научился читать?

Мерзкого старикашку звали Табо, и половина зубов у него отсутствовала. Ляжка отчаянно болела, и он не испытывал ни малейшего желания беседовать с рассерженной девчонкой. С другой стороны, впервые за все время его пребывания в Соуэто хоть кто-то заинтересовался его книгами. Они заполнили всю его зеленую хибару, за что соседи прозвали старикашку “Поллоумным Табо”. Но девчонка спросила о них скорее с завистью, чем с насмешкой. А ну как ему за это кое-что обломится? — Будь ты поговорчивей и не кидайся на людей с ножницами, дядюшка Табо, глядишь, и подумал бы насчет того, чтобы тебе за это кое-что рассказать. Он мог бы даже научить тебя разбирать буквы и слова. Но это если ты будешь поговорчивей.

Однако проявлять большую стговорчивость, чем накануне в душе, Номбеко не собиралась. К счастью, ответила она, у нее остались еще одни ножницы, их она бережет для другой ляжки дядюшки Табо. Но если дядюшка Табо попридержит руки и научит ее читать, то о целости другой своей ляжки он может не беспокоиться.

Табо не понял — девчонка что, угрожает?

Хоть в глаза это и не бросалось, но Табо был человек состоятельный.

Родился он под брезентом в порту города Порт-Элизабет, что в Восточной Капской провинции. Когда ему было шесть лет, полицейский забрал его маму, да так и не выпустил. А папа решил, что мальчик уже достаточно большой, чтобы о себе позаботиться, — даром что с заботой о себе у него как раз имелись проблемы.

— Осторожнее там, — кратко напутствовал он сына, хлопнул его по плечу, а сам отправился в Дурбан, где был застрелен в ходе не до конца продуманного налета на банк.

Шестилетний мальчик жил тем, что удавалось стащить в порту, и предстояло ему в лучшем случае вырасти, попасться и угодить либо за решетку, как матери, либо под пулю, как отцу.

Однако в той же трущобе уже много лет обитал испанский моряк, он же корабельный кок и поэт, некогда выброшенный за борт дюжиной голодных матросов, которые рассчитывали на обед, а не на сонеты.

Испанец доплыл до берега, нашел себе хижину, заполз туда и зажил с того дня исключительно стихами — чужими и собственными. С годами зрение у него стало садиться, и моряк поспешил найти себе мальчишку, которого силой выучил книжной премудрости в обмен на хлеб. Потом мальчишке за дополнительную порцию хлеба пришлось читать старику вслух: тот полностью ослеп и наполовину спятил, так что на завтрак, обед и ужин питался исключительно Пабло Нерудой. Матросы оказались правы: на одной поэзии долго не протянешь. Старик вскоре умер с голоду, и Табо унаследовал все его книги. Все равно никому они были не нужны.

Грамотность позволяла мальчишке перебиваться в порту случайными заработками. А по вечерам он читал стихи и прозу — особенно книги о путешествиях. В шестнадцать лет парень открыл для себя противоположный пол, который двумя годами позже, в свою очередь, открыл его для себя. Именно в восемнадцать лет Табо изобрел безотказную формулу. Она состояла на треть из неотразимой улыбки, на треть — из выдуманных историй о путешествиях по континенту, предпринятых пока что исключительно в воображении, и на треть — из прямого вранья о вечной любви.

Но настоящего успеха Табо добился, когда стал добавлять к улыбке, историям и вранью капельку поэзии. В унаследованной библиотеке он нашел сделанный испанским моряком перевод “Двадцати стихотворений о любви и одной песни отчаяния” Пабло Неруды. Песню отчаяния Табо из тетрадки выдрал, а двадцать стихотворений о любви употребил применительно к двадцати разным девушкам портового квартала, причем де-

вятнадцать раз добивался непродолжительной взаимности. Да и в двадцатый раз все бы получилось, не добавь придурок Неруда в конце одного из стихов строчку “Я разлюбил, уверен...”, которую Табо обнаружил, когда было уже поздно.

Два года спустя большинство обитателей квартала наизусть выучило все приемы Табо, и его шансы на получение дальнейших литературных наград сильно упали. Не помогло и то, что о своих подвигах он врал больше, чем в свое время король Леопольд II о благополучии туземцев в Бельгийском Конго, которым в свое время лично распорядился отрубать руки и ноги за отказ работать бесплатно.

Разумеется, однажды Табо настигло возмездие (как и короля бельгийцев, — тот сперва лишился колонии, потом всех денег, просаженных на франко-румынскую фаворитку, а затем и жизни). Но прежде он покинул Порт-Элизабет, отправился напрямик на север и оказался в Басутоленде, где, если верить молве, обитают женщины с самыми завлекательными формами на свете.

Он нашел основания задержаться там на несколько лет, меняя деревни, когда того требовали обстоятельства, всегда имел работу благодаря умению писать и читать и в конце концов стал главным переговорщиком с европейскими миссионерами, искавшими доступ к непросвещенному населению страны.

Верховный вождь территории Басутоленд, его превосходительство Сиисо, в обращении своего народа в христианство особого смысла не видел, но полагал, что было бы неплохо избавиться от местных буров. Поэтому, когда миссионеры по наводке Табо предложили Сиисо автоматы в обмен на право раздавать библии, тот сразу клюнул.

В страну хлынули пасторы и адъютанты, дабы отвратить народ Басуто от скверны. С собой они привезли библии, автоматы и пару-тройку противопехотных мин.

Автоматы позволяли держать врагов в рамках, а библии отлично горели в очагах холодных горных хижин, обитатели которых и читать-то не умели. Узнав об этом, миссионеры по-

меняли стратегию и за короткий срок возвели целый ряд всевозможных христианских святыниц.

Табо подрабатывал при пасторах алтарником и даже избрал собственную технику наложения рук, каковую практиковал крайне избирательно и в глубоком секрете.

Неудачу на любовном фронте он потерпел только раз — когда жителям одного из горных селений стало известно, что единственный мужчина, певший в церковном хоре, поклялся в вечной любви не менее пяти из девяти юных хористок. О планах своего регента пастор-англичанин давно догадывался, поскольку петь его певчий не умел от слова “совсем”.

Пастор вошел в контакт с родителями всех пяти девушек, и пятеро отцов постановили провести допрос подозреваемого в соответствии с местным обычаем. То есть воткнув в Табо копья с пяти сторон в ночь полнолуния, предварительно посадив задержанного голым задом на муравейник.

В ожидании положенной фазы луны Табо заперли в хижине, за которой неусыпно надзирал сам пастор, пока не получил солнечный удар и не отправился к реке проповедовать бегемоту. Осторожно возложив руки животному на нос, он сообщил, что Иисус открыт для...

Договорить он не успел: бегемот разинул пасть и перекусил пастора пополам.

После пропажи пастора и тюремщика в одном лице Табо при поддержке Пабло Неруды уговорил надзиравшую за ним женщину отпереть хижину и выпустить его на свободу.

— А как же я? — вскричала надзирательница вдогонку Табо, припустившему во все лопатки по саванне.

— Я разлюбил, уверен! — крикнул Табо в ответ.

Если не знать всего дальнейшего, можно было бы подумать, что Табо пребывает под прямой защитой Господа: на протяжении всей двадцатикилометровой ночной пробежки до столичного города Масеру ему не встретился ни лев, ни гепард, ни носорог и никто другой из той же оперы. По прибытии

он предложил вождю Сиисо услуги советника. Тот его вспомнил и услуги принял. Вождь как раз вел переговоры о независимости с надменными британцами — без особого успеха, пока подключившийся к ним Табо не заявил, что если господа британцы намерены упираться и дальше, то Басутоленд может обратиться за помощью к Жозефу Мобуту в Конго.

Британцы остолбенели. К Жозефу Мобуту? Человеку, только что сообщившему миру о намерении сменить нынешнее имя на Всесильный Воин, Который Благодаря Своей Выносливости И Непреклонности Будет Идти От Победы К Победе, Оставляя Позади Только Пламя?

— К нему к самому, — подтвердил Табо. — Моему старинному приятелю, кстати сказать. Для краткости я называю его просто “Джо”.

Британская делегация потребовала закрытых консультаций, по результатам которых пришла к выводу, что региону нужнее мир и покой, нежели правитель, возомнивший себя всемогущим воином. И вернулась за стол переговоров со словами: — Раз так, забирайте эту страну.

Территория Басутоленд превратилась в Лесото, вождь Сиисо стал королем Мошвешве II, а Табо — абсолютным королевским фаворитом. Король относился к нему как к родному и подарил мешочек необработанных алмазов с главного рудника страны ценой в целое состояние.

Но однажды Табо сбежал. С непреодолимой форой в двадцать четыре часа, спустя которые королю стало известно, что Масаисо, его младшая сестренка и свет его очей, забеременела.

Чернокожему, грязному и наполовину беззубому влиться в мир белых Южно-Африканской Республики 1960-х было невозможно ни под каким видом. Поэтому после скандального происшествия в бывшем Басутоленде Табо продал самый невзрачный из алмазов местному ювелиру и тотчас поспешил в Соуэто.

Найдя в секторе “Б” свободную хижину, он поселился

в ней, набил ботинки купюрами, а половину алмазов зарыл в глинобитном полу. Другая половина заполнила зияющие в его деснах полости.

Прежде чем снова приняться за бесчисленные посулы бесчисленным женщинам, он выкрасил свою хижину в нарядный зеленый цвет, который так нравится дамам. И застелил земляной пол линолеумом.

Дам он обольщал во всех секторах Соуэто, хотя со временем решил воздерживаться от этого в собственном, дабы его не дергали лишний раз, когда в перерывах между похождениями он сядет почитать перед своей лачугой.

Помимо чтения и обольщения, Табо занимался тем, что путешествовал. По всем уголкам Африки, дважды в год. Из путешествий он привозил опыт и новые книги.

Несмотря на обретенную финансовую независимость, он неизменно возвращался в свою хижину. Не в последнюю очередь потому, что половина его имущества по-прежнему лежала на тридцатисантиметровой глубине под линолеумом: в силу приличного состояния нижних зубов места во рту на все богатство не хватало.

Прошло несколько лет, и по трещинам Соуэто поползли кривоволки. Откуда этот полоумный с книжками берет деньги?

Не дожидаясь, пока слухи разрастутся, Табо решил найти себе работу. Проще всего оказалось наняться ассенизатором на несколько часов в неделю.

Его коллегами были в основном молодые пьющие мужчины без будущего. Но имелись и дети. В их числе тринадцатилетняя девочка, всадившая Табо ножницы в бедро всего лишь за то, что он нечаянно открыл не ту душевую кабинку. Или на самом деле ту. Просто девчонка в ней оказалась не та. Слишком молодая. Без всяких форм. Годная для таких, как Табо, только на самый крайний случай.

От удара ножницами бедро болело. А девчонка стояла перед его хижинкой и требовала, чтобы он научил ее читать.